

Н.М. Сементовский

**Потемкин как Казак войска
запорожского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.М. Сементовский**
Потемкин как Казак войска запорожского / Н.М. Сементовский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 237 с.

ISBN 978-5-518-07859-8

ISBN 978-5-518-07859-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шія и отдаленныя окрестности; легче дышешь; въ семьѣ разговоръ становится одушевленнѣе и интереснѣе; въ горшкѣ скорѣе закипаетъ вкусная каша; веселѣе кричитъ ворона, усѣвшись на оставленномъ, забытомъ до весны, тяжеломъ малороссійскомъ возѣ; яснѣе смотритъ вѣрный песъ, помахивая пушистымъ хвостомъ..... Словомъ, угрюмая осень забыта, старое горе ушло и съ новымъ снѣгомъ наступятъ новыя радости... Кажется, всѣ этого ожидаютъ; но кто не знаетъ, что надежды часто не сбываются и съ новымъ снѣгомъ наступаетъ новая бѣда?

Въ этотъ же день безпредѣльная Запорожская степь, съ землями Новой-Сербіи и далѣе, превратилась въ ровную и гладкую снѣжную пустыню.

Наступила ночь. Небольшой морозъ скрѣпилъ дневный снѣгъ. Къ утру, не въ далекомъ разстояніи отъ берега Буга, между двумя отдаленными лѣсами, близъ которыхъ очертывались довольно значи-

тельные селенія, показались три вершника.

Съ перваго взгляда на этихъ вершниковъ, нельзя было признать ихъ за людей: на небольшихъ, тощихъ лошаденкахъ, согнувшись на войлочномъ сѣдлѣ, едва, казалось, могли усидѣть они верхами. Одежда изъ черныхъ барановъ, шерстью вверхъ; косматая шапка, изъ-подъ которой ярко сверкали, какъ искры, узкіе глаза всадниковъ; маленькія уродоватыя лица, мѣднаго цвѣта, рѣдкіе усы и черная бородка—дѣлали ихъ схожими скорѣе съ обезьянами нежели съ людьми. За спинами всадниковъ висѣли кожаные колчаны, со стрѣлами; въ рукахъ луки, за поясами ножи и арканы. Каждый всадникъ, кромѣ верховой лошади, на которой сѣдѣлъ, велъ за поводъ другую, осѣдланную. Всадники, осторожно переѣхавши по льду, дѣлали большіе круги по снѣжной равнинѣ, какъ бы съ намѣреніемъ скрыть свои слѣды; другіе въ это время необозримыми толпами переходили по льду Бугъ.

Всѣ они были во всемъ схожи другъ съ другомъ, какъ родные братья: одежда, лица и даже лошади. Впрочемъ, въ толпѣ замѣтно было нѣсколько шапокъ, отличавшихся отъ прочихъ ярко-пунсовымъ цвѣтомъ: этимъ шапкамъ всадники оказывали особенное почтеніе.

Свѣтлѣло; небо прояснялось; востокъ заалѣлъ и вскорѣ покатилося солнце и насталъ первый зимній день. Всадники поспѣшно ускакали въ лѣсъ, тянувшійся по берегу Буга.

Еще нѣтъ столѣтія, какъ безграничныя степи южной Россіи были для насъ мало извѣстны, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, наши степи и въ то время не были уже безлюдными пустынями, хотя, правда, не были значительно населены. И въ то уже время земли, принадлежавшія Войску Запорожскому, ихъ зимовники и паланки (*) хутора, селенія и деревеньки, раскинутыя по берегамъ небольшихъ степныхъ рѣчекъ, близъ зе-

(*) Укрѣпленные городки, гдѣ жили мѣстопробываніе запорожскіе поланочые полковники.

ленныхъ лѣсковъ, привлекали множество семействъ изъ Украины, которыя переселялись въ эти степи, называя ихъ Палестиною.

Палестина эта простиралась на нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ. Почти на двѣ равныя части перерѣзывалъ пустыню славный Днѣпръ. Съ лѣвой стороны предѣлъ ея оканчивался берегами Буга, съ правой рѣкою Калміусомъ, отдѣлявшею Запорожскую Палестину отъ земель, принадлежавшихъ Донскимъ казакамъ. Въ Бугъ и Днѣпръ впадаетъ множество рѣкъ, рѣчекъ и ручейковъ; по этимъ—то рѣчкамъ и ручейкамъ, говорю я, селились многіе выходцы изъ Украины, селились и Поляки, родомъ русскіе; переѣзжали даже и небогатые панки изъ городовъ Гетманщины, ища спокойствія, довольства и тихой семейной жизни.

Прекрасный, благообразованный южный климатъ, необыкновенное плодородіе земли, изобиліе въ рыбѣ, множество звѣрей въ лѣсахъ прибрежныхъ и по

островамъ Днѣпра, медъ, вино и молоко въ избыткѣ, — вотъ что привлекало въ Палестину переселенцевъ.

Но есть ли хоть одинъ ничтожный уголокъ на Земномъ Шарѣ, гдѣ бы обитало вѣчное спокойствіе и счастье? Конечно, нѣтъ! Не было вѣчнаго спокойствія и счастья и въ Запорожской Палестинѣ. Правда, что иногда совершенно безмятежное спокойствіе продолжалось лѣтъ пять въ какомъ-нибудь уединенномъ степномъ хуторкѣ, состоящемъ изъ пяти, много, десяти хижинъ; но на шестой годъ, какъ вихрь занесетъ или татарина или ляха и, — возмутятъ они спокойствіе счастливыхъ хуторянъ, сожгутъ небольшой хуторокъ, зарубятъ двухъ, трехъ стариковъ, защищавшихъ хуторъ, похитятъ черноокихъ красавицъ, коихъ Поляки называли (*szagownice*) чаровницами, и съ добычею такъ же быстро умчатся, какъ и появились. Поплачутъ осиротѣлые хуторяне, помянутъ убитыхъ и похищенныхъ, а потомъ соберутся на пепелище, очистятъ его, построятъ но-

вья, бѣленькія хижины,—и съ наступленіемъ весны, прекрасный, живописный хуторокъ опять раскинулся по берегу рѣчки, да иногда еще и гораздо далѣе прежняго предѣла.

Въ послѣдніе годы, предъ годомъ 1769, и обыватели Палестины не знали спокойствія: не проходилъ, мѣсяць, чтобы ихъ не тревожили какіе-либо страшные слухи. Болѣе прочихъ они ъстрашились казней Латинцевъ, которые притѣсняли, мучили и сотнями предавали казни православныхъ казаковъ, жившихъ въ Лядской Украинѣ. Толпы молодыхъ, неженатыхъ людей, занимавшихся въ Палестинѣ поденною работою, соберутся, бывало, подъ начальство отважнаго головорѣза и переправятся черезъ Бугъ. Конечно, что эти молодцы тайно собирались въ путь, въ отмщеніе за разореніе какого-нибудь зимовника, и опять тайно же возвращались въ свою Палестину, гдѣ виновнаго одинъ Богъ могъ открыть. Нерѣдко, впрочемъ, Запорожцы и явно отправлялись охотиться на

Татаръ, грабитьъ Сербію и не щадили самую Украину.

Въ небольшомъ хуторкѣ, Перначовкѣ, который я очертилъ въ началѣ разсказа, жилъ запорожскій старшина Василій Андреевичъ Перначъ. Войску Запорожскому онъ служилъ болѣе шестидесяти лѣтъ; теперь ему былъ 81-й годъ, женѣ его шелъ 62-й; старикъ, не смотря на лѣта, былъ бодръ: росту высокаго, плечистый; волосы на головѣ сѣдые какъ лунь; усы и борода за поясъ; лице румяное; глаза хотя узкіе, но замѣчался въ нихъ блескъ; когда-то они были черные, какъ уголь. Старикъ ходилъ твердо; былъ необыкновенно веселъ и любилъ шутить и разсказывать про былое. А какъ интересны были его разсказы! Замѣтимъ при этомъ, что Василій Андреевичъ набожный, какъ вообще всѣ старики-Запорожцы; умѣлъ читать и писать. Родился онъ въ Лубенскомъ полку, въ Калайденской сотнѣ (*).

(*). Селеніе Калайденцы, довольно значительное по народонаселенію, находится въ 12-ти верстахъ отъ уезд. города Лубень.

Съ молодости служилъ онъ въ тетманскихъ полкахъ, потомъ перешелъ въ кошгъ; выбранъ былъ въ старшины; порѣзалъ Турокъ и Татаръ и, желая отдохнуть, уволился отъ казачества, поѣхалъ на родину, сыскалъ невѣсту, женился, и съ того времени, поселясь въ Палестинѣ, въ своемъ хуторкѣ, расположенномъ на маленькой рѣчкѣ, впадающей въ Ингуль— мирно зажилъ въ семьѣ.

Богъ даровалъ ему двухъ сыновъ и двухъ дочерей; сыновья положили головы на чужбинѣ, защищая соотечественниковъ и Православную Вѣру. Изъ двухъ дочерей, старшая, Пелагея, похищена Ляхами, во время наѣзда на запорожскіе зимовники измѣнника Савки Чалаго. Это было въ 1739 году. Съ тѣхъ поръ объ ней ни слуху, ни духу. Другая дочь Василья Андреевича Ганя (Елена), лѣтъ 20, но удивительной красоты и стройности, — это, истинно, тополь южная, роза мало-россійская.... Прежде всего поражалъ cadaго, первый разъ ее увидѣвшаго, ея высокій ростъ, тонкій, гибкій станъ, по-

томъ, необыкновенное величiе въ чертахъ ея полнаго, нѣсколько продолговатаго лица, удивительной нѣжности и бѣлизны. Черныя, дугообразныя брови осыняли ея большiе, темноглубые, глубокие глаза, которые, кажется, ни одинъ еще художникъ не умѣлъ изобразить на портретѣ. На эти глаза можно было смотреть цѣлый вѣкъ—и не насмотришься и не налюбишься; въ нихъ отражалась прекрасная душа дѣвицы, и они сами по себѣ были вѣрнѣйшею вывѣскою ея добраго сердца. Носикъ прямой; розовыя губки скрывали прекрасные ряды крупныхъ, бѣлыхъ зубовъ. Описывая всѣ части лица Гани, я забылъ сказать, что открытый и лобъ ея, смолистые, густые волосы, отливавшiе днемъ, при солнцѣ, синiй цвѣтъ—довершали красоту ея. Голосъ не громкiй, не пискливый, но звучный и, услышавши слова ея, всякiй бы сказалъ, что они вырывались не изъ болѣзненной, стянутой корсетомъ груди какой-нибудь нашей современной прелестницы.

Василій Андреевичъ былъ человѣкъ зажиточный. Каждый день онъ содержалъ на рыбныхъ ловляхъ своихъ, по Ингулу, человѣкъ полтора. И промыселъ его былъ очень удаченъ. Завистливые сосѣди часто говорили:—«на что старику деньги, когда у него сотня горшковъ, наполненныхъ червонцами, зарыта въ землю. Умреть—въ гробъ не положить, а дочь—красавица същеть себѣ богатаго жениха.»—Къ чему, говорили другіе, хлопотеть и трудится Василій Андреевичъ? Отдохнулъ бы на старости; а то нѣтъ, съ утра до вечера на рѣкѣ, на тоняхъ, а всѣ изъ—за копѣйки.... Василій Андреевичъ, хотя и зналъ, что говорятъ про него сосѣди, но не переставалъ трудиться и копить въ завѣтные горшки монету.

Какъ Запорожець, онъ былъ славный хлѣбосоль и жилъ не только не скупъ, но и даже можно было его упрекнуть и въ роскоши; впрочемъ, казаки другъ друга въ этомъ никогда не упрекнуть.

Параскевія Васильевна, жена Василья Андреевича, и въ обыкновенные дни хо-